

А. Е. Левинтов

**СОВЕТСКИЙ ОБЩЕПИТ ГОРОДА МОСКВЫ:
АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

Не в противовес, а в качестве необходимого дополнения к кропотливой работе М. Ю. Тимофеева по исследованию, упорядочиванию и типологизации советской стилистики в постсоветское время [3; 4; 5], особенно в сфере общепита, предлагаю впечатления и заметки не о стилизациях, а останцах подлинно советской общепитовской культуры в Москве.

Не будучи коммунистом или, не приведи Господь, сталинистом, автор, тем не менее, считает, что уходящая эпоха оставляет за собой весьма своеобразную культуру, которую уже нельзя переместить ни в пространстве, ни во времени, а потому необходимо запечатлеть и оставить не для повторений и возрождений, а в качестве уникального сырья для социо-культурных исследований.

Предлагаемые вниманию заметки — лишь несколько, но весьма характерных примеров остаточных явлений подлинного советского общепитовского быта.

Рюмочная «Второе дыхание»

Пятницкая, Кадаши, Балчуг — очаги затрапезнейшей Москвы, расположенные в непосредственной близости от Кремля, прямо напротив него, на другом берегу Москва-реки. Автор еще застал на месте сегодняшнего шикарно-европейского Балчуга шатры и кибитки пестрого цыганского табора. Здесь, на Пятницкой, в пивной, которую снесли (как безжалостно снесли и крохотный Пятницкий колхозный рынок), вспоминается диалог:

— Вася, кончай курить, вон, видишь на стенке табличка NO SMOKING

— так это иностранцам курить нельзя, а нам можно.

«Нет на Пятницкой вы уже ничего не найдете настоящая Пятницкая вся скукожилась и укрылась на маленьком и укромном Пятницком переулке а раньше а раньше низенькие и подслеповатые домишки Пятницкой в опасной и приятной близости от разгульного Балчуга цыганской вольницы Москвы табора нахально смотревшего на величавые и

издревле беспородные стены Кремля и от крамольных Кадашей где меж церквей и в дурманых сиреню дворах стольких фраеров и ментов порезали в вонях и узостях кабаков и забегаловок какой смрад стал какой московский настоящий дух неведомый и неприятный властям но зато нас и наши ноздри щекочущий без начальства мы тут сами по себе недостижимые ни начальниками ни их работой в знойном безделье и пьянстве а какие жещины были при нас и нашими там где раньше Пятницкий рынок стоял на углу Большого Овчинниковского и Пятницкого со своими верными Москве и Замоскворечью старушками с пучками редиски или укропа по сезону зычными кавказцами с озорным взглядом наизготовку пышными цветами и прочими южными плодами выкрутасами и загибонами... с семьюдесятью пятью ре пятьюдесятью копейками нам бы в рюмошную в последнюю дверь на которой ряд домов кончается и начинается обрыв к метро вот где теснота-то к стойке не пробьешься пиво разливное двух сортов «Арсенальное» и «Еще какое-то» водка в ассортименте но все берут «Праздничную» потому что она по 16 за пятьдесят грамм а остальные дорогушие по семнадцать-восемнадцать и даже по девятнадцать закуски тоже всякие но берут только одну, а именно бутербродик с селедочкой селедочка на черняшке с маргарином лежит такая свежая слезливая двумя-тремя аппетитными кусманами аккурат под сто-сто пятьдесят остальное лучше не брать если еще немного пожить хочется тут в основном служилый народ это не понаехавшие из разных неведомых волгоградов и волгодонсков нахватавшие всякой собственности не украинско-кавказско-таджикские мужики на заработках а свои настоящие москвичи нет их не назовешь неудачниками они с презрением смотрят и вверх и вниз они и есть хозяева жизни а те что сверху ворюги а те что снизу шестерилы а они зарабатывают мало но честно сидят по всяким окрестным точкам в Минатоме Минсредмаше радиозаводе «Темп» радиокомитете и его передачах в ГИУ ГКЭС торгующем оружием от калашей до космических ракет ох тесно бабы здесь непродажные а настоящие боевые подружки верней и понятней жен ничего не требуют и ничего не стоят и даже за пиво сами платят по качеству лучше любой из этих и доступней и понятней с такой и поговорить и в огонь и в воду и в койку а если надо то и на баррикаду вон мужик в годах со своей шампанское додавливают одну сигарету на двоих смолят сейчас договорят и пойдут к ней и она его из дома выгнанного и обогреет и в себя примет и ни на что претендовать не будет лишь бы только не подзалететь его многоразовый запасной аэродром уже много-много несчастливых его лет за спиной только что пришла компания а уже такие шумные добирают стало быть траверс у них и теперь для кого-то это последняя точка а кому-то и предпоследняя

пейте дети молоко

вам до папы далеко

мы все дружелюбны пока кто не толкнул и не расплескал пиво ли водовку ли тут можно и опрокинуть товарища и слегка потоптать его пока менты не налетели мой сосед желает поговорить со мной отчего не поговорить я ведь здесь за тем и стою ты что дед часто здесь бываешь да нет давно уж не был чего так да я раньше здесь жил в Озерковском а теперь далеко теперь случайно он уже по делу спрашивает свежее ли пиво не разбавленное нет и свежее и неразбавленное делаю я осторожный глоток мы еще о чем-то говорим пока не подходят с кружками наперевес его приятели со стаканчиками водки и селедовками я им уже неинтересен я стою сам по себе а сзади меня приперли столом так что просто так уже не выйдешь моя селедочка давно кончилась и я закусываю глядя на классную блондинку которая верховодит тремя своими сослуживцами и доказывает какое у них начальство дерьмо и что надо держаться вместе у них водка не кончается потому что принесенная с собой потому что в магазине она всего сто рублей пол-литра или десять рублей за 50 г что намного дешевле местной разливной пиво у них тоже свое бутылочное тут всегда тепло погребенно потаенно словно никуда не уезжал и даже не выходил отсюда а из Лаврушенского отделяются и качаются к трамвайным путям мимо меня трепещущие и неявные тени Анны Ахматовой Бориса Пастернака других святых обитателей этих мест и я постепенно начинаю понимать что я в Москве на Пятницкой дома» [2]

Пятницкий рынок:

В глухих переулках

На кривизне мостовых и домов

Старые бабушки,

Вьючные хачики,

Фрукты больничные, школьные веники

Из гладиолусов, астр,

Грузных и жирных,

Как поп, георгинов

Мелкие семечки,

В бочках – селедовка,

Из-под полы
Недовяленной рыбы
Опистрохозом
Траченный хвост.
Милые девочки
В беленьких фартучках,
Тайные пакости,
Ранние шалости,
Клоп под обоями,
Моль шифоньерная,
Пыльные кактусы,
Окна геранные
И занавесочки,
Тихие звоны
С небес, а над банею
Стелется раннего пара первач.
Низкие домики,
Старые челюсти
Тихоньких дворики,
Хмурые дедушки
Хлещут в козла
По доске орголитовой,
Вонь карамельная
По свету пролита
Старый Гознак
И «Рот-Фронт» засироженный,
Мне не вернуться
В истомные тенеты

Буйной сирени
И сдохшей акации.
Пятницкий рынок,
Ну, где ж ты теперь?

ДК Метростроя

Всего в одной-двух трамвайных остановках от злачного и венерически неуравновешенного Курского вокзала, в Сыромятниках, сразу за выпендрежным арткомплексом «Винзавод» расположен ДК Метростроя, вход с торца. Там что-то происходит. А с фасада за маленькой дверцей располагается малоприметное заведение «Толстый папа», общепитовский аппендикс ДК Метростроя. Облицовка стен огромного вестибюля, предбанника-фойе с пивным буфетом и самого ресторана сразу погружает в атмосферу 50-60-х: вот мрамор от «Курской-радиальной», это – с «Бауманской», это – с «Электrozаводской», а вон то – не то с «Киевской», не то со «Смоленской». Фреска на стене – явно создавалась для «Киевской-кольцевой», но никуда не вписалась и теперь украшает ресторанный стену.

Меню здесь сделано навсегда, до конца текущей геологической эпохи, с более чем демократическими ценами, сильно отставшими от нашей бодрой инфляции. Я часто бываю здесь с друзьями и гостями столицы, и каждый раз с единственной во все эти годы официанткой у нас происходит один и тот же разговор:

- Света, а шашлычки на ребрышках можно?
- сегодня шашлыков нет – шеф-повар выходной
- вы из него, что ли, шашлыки делаете?
- нет, но умеет их делать только он.

Всё остальное, весьма съедобное, присутствует своим наличием. Готовят быстро, хорошо и вкусно. Есть пиво, водка из недорогих, вино.

- какое сухое белое есть?
- итальянское
- можно посмотреть бутылку?

Света очень приветлива и дружелюбна, но за бутылкой уходит в явном недоумении:

что еще ему надо знать о вине? То, что вино имеет название, район и год урожая, ей просто невдомек: она эти итальянские этикетки никогда не читала.

Обычно здесь безлюдно или малоллюдно, лишь в обед набегают легкое цунами офисного планктона из окрестных контор. Как и положено советскому предприятию образцового питания, «Толстый папа» хронически и безнадежно, планово убыточен, его убытки легкой пушинкой ложатся на тяжеловесный бюджет Метростроя или даже всего метрополитена.

Здесь напрочь отсутствует межстоликовая коммуникация – признак советской отраслевой отрешенности людей.

Преображенка

Преображенский рынок возник в 1932 году на месте староверческого монастыря и богадельни. Этот год и открытия колхозных рынков в Москве и других городах были капитуляцией, очевидным признанием краха коллективизации как экономической реформы: осталась только лютая классовая ненависть к крестьянству, любящему и умеющему работать, создавать продукты и превращать их в товары. Высокие, кирпичной кладки, буквально крепостные стены богадельни, с угловыми башнями-церквями, и по сей день окружают Преображенку.

Рынок этот был и есть не только из числа самых дешёвых, но и, как и Тишинка, был последним оплотом московских толкучек и барахолок. Здесь была чуть ли не государственная скупка поддержанных вещей. Приносили их узлами и чемоданами, очередь в скупку была тяжеленнейшая, и две бойкие до наглости приемщицы давали оскорбительно низкие цены и тут же, не стесняясь давящейся толпы, сортировали скупаемое: это — в магазин поддержанных вещей, где эти вещи продавались уже втридорога, это — местным барыгам, это, вполне приличное и импортное, — в комиссионки, это, лучшее, — себе. Нечто подобное происходило и в двух московских ломбардах, на Пушкинской у Столешникова, и на Арбате, но там, в основном, шли драгоценности, часы и меха. Вся дешёвка шла на Преображенку и Тишинку.

Перед Преображенской скупкой шёл торг с рук по ценам, более приемлемым: что не расхватывалось здесь, доносилось до прилавка оценщиц, дававших, как правило, 3-5, редко 10 рублей за каждую вещь.

Кто сдавал?

Московские модницы, таким образом обновлявшие свои гардеробы.

Овдовевшие, разумеется, на 90% женщины (мужики в нашей стране уже более века вымирают гораздо интенсивней слабого полу).

Разведенки с остатками мужниной одежды и прочего его приклада.

Пьянчужки, не чурающиеся и ворованного.

Профессиональные домушники, точнее, перекупщики у домушников, их чмары и марухи.

Попавшие в отчаянное финансовое положение.

Взбалмошные московские дуры, замужние, незамужние и в девках – этих, наверно, было больше всех. Они же были и основными покупательницами.

Милиция периодически разгоняла эту толпу, два-три раза в год, но не в каждый год, по какому-то странному наитию неведомого начальства. Эта барахолка, сильно поскромневшая, жива до сих пор. Ее отжали из рынка и она тянется от метро на Большой Черкизовской до самого главного входа на рынок. Ассортимент – типичный для любого блошиного рынка мира: поношенные одежда, обувь, головные уборы, белье, нательное и постельное, детские игрушки, старые часы и медали, бытовая техника б/у, инструменты, детали каких-то давно уже несуществующих машин и приборов, кухонная и столовая посуда, потрепанные книжки, домашние цветы, замки-ключи-дверные ручки, вязанные вещи, котята, щенки, столовое серебро из меди, алюминия и пластика, поделки и самоделки.

Милиция/полиция по произвольному расписанию разгоняет этих старичков и старушек, даже, кажется, пытается их штрафовать, барахолка живуча и терпелива к притеснениям, как, впрочем, и весь наш великий и могучий русский народ.

Справа от входа, в тени торговли промтоварами находится безымянная рюмочная-кафе-бар-пивная (в разное время по-разному). Приходят и уходят вожди, генсеки, президенты и прочие ворюги, а здесь не меняется ничего: немного кавказская кухня, пиво-водки (можно и со своей, можно и со своей закуской, например, воблой, купленной здесь же на рынке), в глубине — степенные разговоры горбоносых на гортанном языке Кавказских гор, сидим тесно, разговариваем, независимо от степени и продолжительности знакомства, переживаем, что, вот, закрылся оплот борьбы с тараканами, магазин «Последний ужин», обсуждаем рыночные цены, цены вообще и рыночный механизм ценообразования — лекции по политэкономии постсоциализма.

Здесь уже более полувека не бывает ментов, советской и постсоветской власти, и о политике здесь говорить неудобно.

А вот зарисовка, как это выглядело в мое запорошенное теперь десятилетиями детство:

«Он стоял у ларька и тянул слишком светлое, слегка прокисшее и сильно разбавленное пиво, неспешно закусывая его жареным сухариком черного хлеба и моченым горохом, вылавливая и то и другое из глубокой общей плошки на прилавке, когда околоточный накрыл своей пятерней вертявого армяшку, ухватил того за трещащий шиворот и поволок в участок на предмет разбирательства с сильным перетягом нанки, продаваемой армяшкой в ситцевом ряду уже второй месяц подряд.

Ирокез обязан хранить спокойствие, не выражать удивления, одобрения и осуждения происходящего, он должен невозмутимо сосать это поганое пиво и ни во что не вмешиваться.

- армяшку сграбастали, — даже в этой фразе явно улавливалось характерно волжское оканье. Заговоривший был плюгав, плешив и не очень тверез.

- сам-то — из ярославских? — снизошел до разговора Ирокез: захотелось еще одной, а у волгара аккуратно нарезанный и славно проявленный рыб, не то судак, не то жерех.

- тутаевские мы, тридцать верст от Ярославля. Откуда узнал?

- глаз наметанный. Вы, ярославские, шустрые не по чину. Что за рыб?

- так ведь судак провисной.

- вот и я думаю: не то судак, не то жерех.

- не, не жерех, жерех костистый до страсти. А это: накося, испробуй.

И они заплели неспешный говор о видах на сено, о небывалом в этом году половодье и об озорных московских девках.

Ирокез заказал себе еще пару пива — хрена ли он забыл в своем бараке при Семеновской мануфактуре?

Из окна посунулась рука и выдала две кружки сильно разбавленного, безо всякой пены. Ирокез достал из мятой и жеваной брючины воблю, завернутую в четверть «Правды», аккуратно оббил рыба о край стола, разгладил газету, чтобы убедиться: можно положить — ни с той, ни с другой стороны Сталина или другого вождя не было. Отхлебнул чуть не пол-кружки разом и принялся обрывать и обсасывать перья, потом сорвал вобле голову, в три-четыре приема ошкуруил ее, разодрал от хвоста надвое — ребра с зажатым между ними фекалием, пузырем и икрой (вобля оказалась девушкой) хотел богато, по-московски, бросить оземь, но встретился с тревожным взглядом безногого инвалида и отдал ему:

— если не брезгуешь — оставляю.

Тот благодарно сглотнул слюну и пристроился рядом, поблескивая медалью за город Будапешт, еще какими-то брякалками, кажется, даже двумя орденами на нестиранной с войны рыжей гимнастике.

— Атас! — раздалось отчаянное снизу, от тех ворот Преображенки, что выходят к кладбищу староверческой церкви. Началась очередная облава на барахолку и инвалидов одновременно. Тетки-барахольщицы, промышляющие вокруг скупки, истошно завизжали, разметаясь в разные стороны.

Ирокез опустил вниз недопитую:

— допивай и тикай!

Безногий залпом допил, бросил в топку всю пол-воблину, с костями и остатком хвоста и рванул к калитке. Через минуту Ирокез видел, как у калитки подкарауливавшие за ней менты подхватили Безногого и уважили его в воронок. Приказ МВД №00639 от 18 октября 1950 года по очистке города от сомнительного элемента действовал строго в духе закона» [1].

Столовая у метро «Первомайка»

На углу 9-ой парковой и Измайловского бульвара в девятиэтажке поздних 50-х стоит тесный продмаг, справа – ступеньки, ведущие в столовую (есть даже небольшой гардеробчик), в дальнем торце которой – бар. Здесь посменно работают хозяйственный Петрович и молодой, чопорно-решительный Володя. Дешевое разливное пиво, несколько сортов незатейливой водки, томатный сок, бутерброды: на черном хлебе селедовка, селедочная икра или молока, холодная котлета, буженина, на белом – лососевое или варено-копченая. В столовой можно взять и горячее. И холодное, и компот. Здесь всегдалюдно: до работы, вместо работы и после работы. Среди этого служивого люда довольно часто встречаются те, кто заскользил по наклонной и дома уже не ест – скоро он либо дом потеряет, либо способность есть, только закусывать. Я стал редко бывать тут, потому что разговоры идут всё невесёлые:

— у тебя ноги по ночам мёрзнут?

— иногда

— вот, и у моей старухи также. Уже третий месяц, как схоронил.

Ему дома делать абсолютно нечего: готовить он не умеет, следить за домом – также. Фатера быстро превращается в смрадную берлогу, где не мыто-не чищено-не стирано. За такими квартирами охотятся: практически халява и рядом с метро. Основные охотники —

менты, конечно.

ПРИ и ПНИ

Однажды меня пригласили на кабельное телевидение Юго-Западного округа Москвы, что в Кузьминках. Полуночная передача о выпивке. Я захватил из дома пузырь какого-то вина и два граненых стакана, ныне — экзотика. После рекламы — эфир. Сажусь напротив ведущего, открываю вино, наливаю по стакану каждому:

— в начале Волоколамки, сразу за Гидропроектом, была пивная... — начал я, но тут же раздался телефонный звонок:

— так это наш пивняк ПНИ, я в Авиационном учился

Тут же еще звонок:

— да нет, ПНИ — это у нас, на Красноказарменной, я пять лет в Энергетическом отрубил

— ПНИ – на Бауманской...

— на Ленинском...

В эту разноголосицу врывается бас:

— мужики, чего спорите? ПНИ – это Пивная Напротив Института, их в Москве — только у текстильного и у педов не было.

Посыпались звонки согласия. Вдруг еще один звонок:

— а у нас была пивная ПРИ, Пивная Рядом с Институтом, на Большой Семеновской

— и на Сельскохозяйственной, там напротив — Тимирязевский парк.

Это, конечно, беспредел, но я вспомнил, что да, действительно, и такое было: рядом с Литературным имени Горького, где высиживали юных классиков соцреализма (национального по форме и социалистического по содержанию, надо же, что еще помнится!), была знаменитая пивная на Пушкинской, известная всей Москве «Пушка».

Разговор в эфире как-то сразу перешел на пивные автоматы, автопоилки, которые никакими автоматами не были: по ту сторону баррикады из железа сидели операторы, обслуживающие по два автомата каждый: при впрыскивании пива в кружку они пальцами зажимали шланг, удерживая от трети до половины струи.

Припомнился кем-то и такой случай:

Опустил мужик 20 копеек в автомат, тот монету сожрал, а пива не дал. Мужик сгоряча еще монету в прорезь – опять ничего. Он еще. Целый рубль профигачил, а ему вдруг из того места, куда вода при мойке кружек стекает пятак просовывается. Намек на то, чтобы домой ехал, мол: «держи, дура». Мужик озверел да по автомату кулаком – хват! А ему изнутри бас такой тяжелый: «Я тебе сейчас постучу по автомату-то». Ну, мужик с тем пятаком и пошел прочь, домой, наверное, или денег по друзьям сшибать.

Передача кончилась в полвторого ночи, я сказал только то, что успел сказать в самом начале. Мы вышли в осеннюю ночь к развозочной машине.

— впервые такое в эфире, чтоб среди ночи — столько звонков, у нас и в прайм-тайм редко звонят, — признался диктор

— тема, — сказал я и, погромыховая гранеными, уселся рядом с водителем.

Летим по пустому МКАДу, а я думаю:

— ну, мы-то в свое время попили: детишек жалко.

Пивной шалман у станции Реутово

У станции Реутово, что сразу за МКАДом стоит пивной павильон легкой конструкции, со стоячими местами по бортам заведения. Здесь почти всегда никого, хотя платформа оживленная. Я взял кружку пива.

— с вас 8 рублей

— не может быть!

— покровский пивзавод, Владимирская область.

Бывал я в Покрове. В фирменном павильоне при заводе пил и брал на вынос местное пиво, прямо скажем, поганенькое, но не по восемь же рублей!

— а в чем дело?

— продаю уже ниже себестоимости

— так чего стоит цену поднять?

— да я если хотя бы на рупь цену подниму, работяги с Челомеевского или Туполева моего лавочку вмиг разнесут, вместе со мною

— а закрыть заведение?

— пробовала. Не дают. Мужики говорят, из-под земли достанем

— и как?

— а никак. Втихаря от заводоуправления мне по профсоюзной линии подкидывают что-то, концы с концами свожу — уборщицу нанять не на что. Это сейчас тут тихо, а ты после смены попробуй — ты сюда просто не попадешь.

Я сел в автобус и попылил в родное Восточное Измайлово, по другую сторону МКАДа, в озарении, отчего наши ракеты и самолеты так часто падают.

Выводы и принципы

Мы прошли штрих-пунктирно всего по одному радиусу от Кремля до МКАДа — сколько таких маршрутов можно проложить по Москве и по стране? Всё это, конечно, исчезает и исчезнет, сначала снесут или переоборудуют, перефункционализируют, потом начнет выветриваться из памяти, потом сожгут и закопают неуклюжие 286-е винчестеры на наших плечах, но надо оставить всё это хотя бы в слове, не замаранное подделками и стилизациями.

А для этого одних воспоминаний недостаточно. Надо выделить доктринальные принципы:

— советский общепит — это не коммерческое предприятие, а чтобы «людЯм» не накладно, приятно и непритязательно

— советский общепит — место общения, а не коммуникации, здесь отсутствуют мыслительные процессы, здесь неуместны строгая логика и онтологические чертоги, но есть поток сознания и почти витальных эмоций

— сервис зависит не столько от размеров заказа или чаевых, сколько от продолжительности и интимности клиент-сервисных отношений

— общепит — это клубное пространство, компенсация за жесткость производственных и семейных отношений

— под общепитом следует понимать не общественное питание, общие питье, точно также МПС — это министерство не путей сообщений, а питейных сообщений

Пока эти принципы действуют и нужда в них есть, до тех пор и будет существовать советский общепит.

Использованная литература

1. Левинтов А.Е. Последний ирокез Преображенского рынка. URL:

www.redshift.com/~alevintov май 2006.

2. Левинтов А.Е. Рюмочная «Второе дыхание» в Пятницком. www.redshift.com/~alevintov апрель 2006.

3. Тимофеев М. Ю. В поисках знаков советскости: семиосфера города Калинина в современной Твери // В зеркале путешествий: материалы международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае» / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. — Тверь — Ржев, 14 — 17 сентября 2012 года. Тверь: СФК-офис, 2012. — С. 159 — 165.

4. Тимофеев М. Ю. Где, что и как можно выпить «в советском стиле»: семиосфера псевдосоветского общепита в России // Алкоголь в России: материалы третьей междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 26–27 октября 2012 г. — Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2012. — С. 19 – 25.

5. Тимофеев М. Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Часть 2. Нарративы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. — С. 66 – 77.